

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

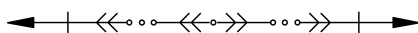
Старые дороги

Новые мосты

(Продолжение следует...)

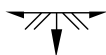
КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

СТАРЫЕ ДОРОГИ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Ветер и крылья. Старые дороги / Гончарова Галина. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-168488-4

В королевстве Эрвлин неспокойно.

Вымирает династия. А вот не надо было в свое время завоевывать людей с помощью подлости. Они и ответили, как могли. Ты их в спину — а они тебя предсмертным проклятьем.

Последний из Эрвлинов должен жениться на девушке из рода Сибеллинов. Не хочется? Любовь? Амбиции? Ну, тогда вымирай на здоровье. Или — выбирай, что тебе больше нравится.

Адриенна Сиблевран прекрасно прожила бы в своем поместье, даже не приезжая в столицу. Но — увы. Кровь старой династии не дает жить спокойно. Да и не откажешься от такого, просто не сумеешь. Выйти замуж за принца? А ведь это не сказка, и король не очень-то добрый, и принц любит другую, и призрак прабабки диктует свои правила, и цветут возле дворца черные розы. Розы королевского гнева и боли.

Мия Феретти просто пытается выжить. После смерти родителей на ее руках остаются брат и сестры. И надо как-то выживать. Пробудились старые родовые таланты? Отлично! И их поставим на пользу делу. Чьему? А вот кто заплатит, тому и поможем. Правда, закон такого не одобряет, но не умирать же с голоду?

Старые дороги, новые люди — и выбор. Старый или новый? Не важно. Главное — он есть.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончарова Г.Д., текст, 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168488-4

Пролог

Истории очень часто заканчиваются свадьбой. Но начинаются они не столь радостно.

Вот и эта история началась в спальне, где лежала молодая и очень красивая женщина.

Сейчас она уже была не столь красива, тяжкие трехдневные роды подорвали ее здоровье, и она чувствовала, как жизнь утекает из ее тела.

— Рианна... — Муж держал ее за руку, но она уже почти ничего не чувствовала. — Рианна, любовь моя...

Женщина прерывисто вздохнула.

Она пыталась собраться с мыслями... так тяжело. Так больно. И разум словно бы уплывает.

— Я умираю, Марк?

За что она ценила своего мужа, так это за его правдивость. Вот и сейчас он не стал лгать.

— Лекарь говорит, что у тебя сильное разлитие внутренних соков, и предлагает сцедить дурную кровь.

Женщина качнула головой. Даже это легчайшее движение отдалось таким приступом дурноты, что пришлось пару минут подышать. Прийти в себя, успокоиться.

У нее осталось не так много времени. Нельзя его терять.

— Я знала, что могу умереть во время родов.

Женщина смотрела в ту сторону, где стояла колыбелька с младенцем. Девочкой.

Адриенной Сиблевран.

Она умоляла, чтобы ребенка не уносили, чтобы даже кормили малышку при ней... Жар? Горячка? Пусть так! Каждая минута, проведенная рядом с ребенком, была для нее бесценна. Каждая секунда...

Сейчас жара не было. Был только холод. Смертельный холод. И она понимала, что это значит.

Агония.

— Не говори так, любимая. Ты поправишься...

Рианна качнула головой и приподнялась.

— Нет. Уже нет. Марк, я умоляю тебя. Умоляю выполнить мое последнее желание.

— Клянусь, любимая!

— Нет, не так. Клянись. Своей матерью, своим родом, своей честью и сердцем.

Марк сдвинул брови. Но послушно произнес требуемые слова:

— Рианна, я клянусь. Клянусь своей матерью — да изольется ее чрево, клянусь своим родом — да пресечется он навеки, клянусь своей честью — пусть будет мое имя покрыто позором, клянусь своим сердцем — да остановится оно в тот же миг, если я не выполню твое последнее желание.

Женщина откинулась на подушки.

Полная клятва. По всей форме. Такие дают крайне редко, но держат... лучше взойти на костер, чем ее нарушить. Последствия будут куда как хуже. Судьба слышит. Судьба карает.

— Ты не женишься, пока наша девочка не станет женщиной. Ты поклялся.

Марк вздрогнул.

— Хорошо. Я поклялся — и я исполню. Но ты лишаешь меня наследника.

— У рода Сиблевран есть наследница, — прищурилась Рианна. — Роду достаточно.

Марк коснулся руки супруги.

Ледяная... и понял, что она даже не чувствует его прикосновения.

— Я обещал. Я воспитаю нашу малышку. И не женоюсь, пока она не повзрослеет, Рианна. Я сберегу нашу дочь.

— Дай мне ее... пожалуйста.

Женщина откинулась на подушки.

Лицо ее стремительно бледнело. Жизнь из него уходила на глазах. Каким чудом она еще держалась — муж не знал. Нет, не знал.

Но послушно подал малышку матери. Та потянулась к ребенку, почти села, опершись спиной на подушки. И без того белое лицо вовсе уж выцвело от усилий — одни глаза жили на нем. Громадные, синие...

— Выйди. Закрой дверь.

Стоило ли повиноваться?

Он не знал. Но ноги сами собой двинулись на выход. Сами собой...

И дверь закрылась.

Рианна с нежностью посмотрела на дочь. Те же черные волосы, те же синие глаза — наследство рода. Ее рода. Уже сейчас видно. Даже черты лица как у нее.

— Прости меня, малышка. И — прими мое последнее благословение. Мою силу и мою власть над родом Сиблевран.

Женщина последним усилием наклонилась к малышке — и коснулась поцелуем ее лба.

И на миг...

На долю секунды в комнате разлилось белое свечение.

Древняя магия рода Сиблевран, о которой почти никто не знает. Древняя власть. Та, что позволяет процветать ее землям.

Поля поместья Сиблевран, того единственного, что осталось, самого сердца, всегда были плодородны, стада изобильны, деревья ломились от фруктов. Засуха?

Никогда...

Болезни — и те обходят ее землю стороной. И это лишь частичка былой силы.

Руки женщины бессильно опали. Малышка оказалась на коленях матери, накрытая ее телом, словно коконом. Но не разревелась, а почувствовала знакомый запах, засопела носиком — и продолжила спать. Она еще не знала, что сегодня стала сиротой.

Войти в спальню посмели только час спустя.

Над землями Сиблевран гремела и грохотала гроза, оплакивая хозяйку замка.

Малышка мирно сопела в своей колыбельке, наевшись молочка кормилицы и не думая ни о чем плохом.

Мрачно напивался в стельку дан¹ Марк. Жену он любил. И дочь... к дочери отношение было сложное. Наследница...

Но дочь от любимой женщины?

Дочь, рождение которой стоило Рианне жизни...

Но его малышка...

А поскольку был он все же неплохим человеком, то и зла в его душе не нашлось. И девочку он будет беречь. И заботиться.

Мчался сквозь грозу гонец, спеша доставить королю известие о смерти эданны Сиблевран.

Так и началась эта история.

¹ Обращение к благородным. Дан — мужчина, вне зависимости от семейного статуса, эдана — замужняя женщина или вдова, незамужняя девушка — дана. (Прим. авт.)

Глава 1

Адриенна

— Дана Риен! Дана Риен!
Девочка досадливо скривила губы.
Вот ведь... опять ее Розалия ищет!
Кормилицу она любила. Но она такая... клуша!
Опять начнет приставать со всякими глупостями!
Чтобы девочка вышивала, или молилась, или на кухню сходила...

Мало ли дел для юной даны?

Дел-то много. Но они все такие скучные! Вы просто не представляете насколько!

Уж-жасно скучные!

Дана могла приглядеть за хозяйством. Знала рецепты блюд. И молитвы знала, каждый третий день с ней занимался падре Санто, так что требуемый круг молитв девочка на память могла прочитать.

И вышивать умела.

Не любила только.

Нитки путались, игла кололась, стежки получались разной длины и ширины, а уж про кривизну страшно и подумать было! И дана быстро бросала подходящие ей занятия.

И занималась неподобающими.

Известно же, что юные даны должны сидеть в доме своего отца. Выходить они могут только в церковь и только после того, как им исполнится двенадцать лет. До той поры девочек из благородных семей посторонним не показывают. Даны могут гулять во дво-

ре дома, но и только. А показаться чужим — нельзя. Позор для всего семейства.

Это в городе.

В деревне, конечно, нравы более вольные. И если юная дана пойдет к мессе с отцом или матерью, если она прокатится в карете по окрестностям... конечно, карета или паланкин должны быть закрыты наглухо, а юную дану должен сопровождать кто-то из старших. Мать, отец, брат... в крайнем случае — духовник. Так вот, ее не осудят. И долго сплетничать не станут.

Конечно, девушки из крестьянских семей более свободны в своих поступках. И родителям они помогают, и бегают где хотят, но ведь это крестьяне! Чернь!

Разве можно их девчонок равнять с благородными данами? Там в двенадцать уж и замуж выдают, как только девки первую кровь уронят. А благородных дан раньше семнадцати отдавать можно только по разрешению церкви.

Иначе позор.

Помолвку заключить — это хоть в колыбели. А вот замуж — только в семнадцать.

Дана Риен об этом отлично знала. И очень этому радовалась. Адриенна вообще не хотела замуж, и на то были серьезные причины.

Десять лет назад умерла ее мать. Умерла в родах. Успела только денек побыть с дочкой, имя ей дать, благословить — и умерла. Да и кормилицу эданна Рианна сама подбирала.

Розалия приехала с ней из самой Эвроны. Там у бедолаги все сложилось плохо, служанку обрюхатил сынок хозяев, а та, дуреха, нет бы к бабке какой сбегать да плод сравить, принялась рыдать и сопلي размазывать.

Не убьет она младенца!

Вот дура-то!

Конечно, хозяева выгнали ее на улицу без куска хлеба и без единой монеты из честно заработанных. И закончилась бы история несчастной Розалии в сточной канаве, если б не проехал мимо паланкин эданны Рианны.

А дальше все было просто. Эданна, обладая острым зрением и добрым сердцем, не только увидела плачущую беременную девушку, но и посочувствовала ей. И пригласила работать кормилицей.

Конечно, за новую хозяйку Розалия готова была и в огонь, и в воду. Сына она родила, к маленькой Адриенне относилась как бы не ласковее, чем к родному ребенку, и ночей не спала, и на своей груди девочку подняла. А четыре года назад у нее и личная жизнь сладилась.

Розалия вышла замуж за старшего конюха и была безумно счастлива. И сын ее доволен — лошажник он заядлый, с малолетства. И она второго ребенка родила, а может, и не одного еще родит, хоть и не девочка уже, двадцать шесть исполнилось. Крестьянские девки в таком возрасте и бабками стать могут. И спины сгибаются, и зубы выпадают..

Розалию это миновало. Хоть и возраст такой, а все равно — спелая, сочная, что то наливное яблочко, зубы целы, морщин считай что и нет..

А вот упорство — есть.

— Дана Риен! Дана!!!

Девочка скрипнула зубами.

— Сиди, — шепнул Марко. — Я ей скажу, что тебя нет.

Но совесть уже одолела молодую хозяйку.

— Ладно уж... не поленилась же она сюда прийти!
И Тоньо бросила...

Марко насмешливо фыркнул. Адриенна вышла из конюшни.

— Что ты шумишь, Рози? Здесь я...

— И вы посмотрите, в каком виде! — вознегодовала почтенная ньора¹. — Дана, вы не мальчишка конюшенный! Опять эти бриджи ужасные, опять дублет, опять волосы кое-как собраны... слов у меня нет! Немедленно умываться и переодеваться, как подобает благородной дане.

— Зачем? — заныла Адриенна, совершенно не имея желания по такой жаре влезать в платье. Это ж с ума сойдешь!

Нижняя рубашка, панталоны, которые подвязывать надо, верхняя рубашка, платье, рукава... еще и волосы укладывать заставят! И головной убор надевать!

Не хо-чу!

— Дан Марк хотел вас видеть.

Адриенна только вздохнула.

Если отец... тут не поспоришь и не поругаешься. Он и так многое позволяет дочери, но на беседу лучше явиться как положено благородной дане.

Что уж там... у других и сотой степени свободы Адриенны нет. И не снилось им такое.

Чтобы в мужской одежде ходить. Чтобы на коне по полям проскакать. Чтобы на траве в лесу поваляться... чтобы и ветер в лицо, и воля в душе... и грамоте их не учат, разве что некоторых, и счету, жена вообще должна уметь любить мужа, молиться, вести хозяйство и рожать детей. В любой последовательности.

Думать?

Думать за нее будут отец, муж и сын. Вот именно так.

¹ Ньор, ньора — обращение к простонародью, вне зависимости от семейного статуса. Ласково, к незамужней девушке могут обращаться «ньорита». (Прим. авт.)

На словах.

На деле получается по-разному, вот как у Адриенны. Жениться ее отцу эданна Рианна запретила, а как вообще девочек воспитывают? Кто-то знает?

Ну да... они в доме постоянно.

Вот на мессу ходят...

А как удержишь живого и любознательного ребенка? Который везде лезет, который смотрит своими синими глазищами... красота — невероятная. Розалия каждый раз вспоминала умершую эданну и глаза угольном передника вытирала.

Та тоже хороша была, а уж Адриенна, ее малышка Риен, — всем на загляденье.

Волосы черные, гладкие, блестящие, глазищи огромные, синие, личико точеное... жаль, загорелое, что у той крестьянки, но тут уж дан всему виной! А кто с собой ребенка везде таскал? Ну хорошенькая, как куколка! И просится!

Строже надо было быть! Строже!

А так дана из отца веревки вила и косички из них плела. И по арендаторам с отцом, и по делам с отцом, а чтобы не придирались, отец ее в мальчишескую одежду и переодевал. Кто знает, тот относится снисходительно: единственное чадо, память об умершей жене, а кто не знает... мальчик и мальчик, что такого?

И читать Адриенна захотела научиться, и считать, и дан разрешил. Падре Санто лично учил малышку. Еще и радовался, какая умная да смышленная.

И считает она легко и быстро, и восемь языков освоила, и на всех пишет, читает, стихи складывает, и к хозяйству способная, счета проверяет почти мгновенно, хотя сам дан с ними часами сидит...

Вырастили!

Кто ж ее такую замуж-то возьмет?

Мужчины не любят, когда женщина умная. Ой не любят...

Вот и переживала верная кормилица, помогая девочке обтереться губкой над тазиком, а потом надевая на свою красавицу тонкую нижнюю рубашку, более плотную верхнюю, потом корсаж, платье, пояс, подвязывая рукава и помогая подвязать панталоны к поясу. Да и чулки забывать не стоит.

Хоть и тепло, но легонькие, нитяные, все равно быть должны. И туфли с лентами...

— Садитесь, дана, волосы вам расчесу и уложу.

Адриенна повиновалась.

Волосы так волосы. Надо...

Кормилица ловко расчесала смоляные пряди, уложила их в тяжелый узел на затылке, потом закрепила на нем кокетливый чепец, который больше напоминал крохотную шапочку и ничего не скрывал. Подчеркивал — и только.

И во всем этом облачении дана Адриенна отправилась в кабинет к своему отцу.

Без трепета. Что она, не бывала там? Бывала, и не раз...

Все знакомо, все родное. От здоровущей медвежьей шкуры на полу, на которой любила играть, а то и засыпать малышка Риен, до оружия на стенах.

И отец сидит за огромным столом и улыбается. Ласково.

— Что, егоза? Спряталась от Розы?

Адриенна тут же превратилась из сдержанной и исполненной достоинства даны в шаловливую девчонку.

— Папа! А чего она...

Отец улыбнулся, но пальцем девочке погрозил. Чего-чего... работа у нее такая — пытаться хоть как-то сделать дану из этой норовистой кобылки. Вот и о кобылках...

— Риен, я решил прикупить нам еще пару кобыл на племя. Хочешь съездить со мной на ярмарку?

— ДА!!! Да, папочка, прошу тебя!!!

— Тогда собери вещи. Мы едем через два дня. И чтобы до отъезда я не слышал на тебя ни одной жалобы, поняла?

А вид невинный... как есть — лучик солнечный.

— Папочка, я ничего...

— Ничего? А кто в поварню ужика подбросил? Да еще и пятна ему закрасил?

— А чего они сами... чуть меня помоями не облили.

— А ты не знаешь, что юной дане не пристало таскать булочки прямо из кухни?

— Знаю, — потупилась Адриенна, тем более что таскала она их вовсе даже не себе, а Марко и Тоньо. Вот мальчишки сладкие булочки с орехами любили, а ей бы мяса. Или рыбки... соленьенькой...

— Чтобы больше такого не было. Не то дома останешься.

— Обещаю! — подскочила дочь. — Папочка, ты самый лучший!

Поцеловала в щеку и умчалась.

Дан Марк только головой покачал.

Вот ведь... егоза.

Но взять ее с собой обязательно возьмет. В животных, в людях малышка разбирается идеально. Никогда плохую скотину купить не даст, больного работника почувствует...

Наследственность.

У Рианны тоже такое было, она рассказывала. Род Сиблевран. Этим все сказано.

Род Сиблевран.

Побочная ветвь воронова крыла. И птица на гербе. Черная, тревожная... ворон. Ле Вран.